

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

В.Л. Шарова

РУССКИЙ МИР КАК ВАРИАНТ ГЕОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ (к некоторым положениям теории культуры П.Б. Струве)

Аннотация. Предметом статьи является анализ интеграционных возможностей и дезинтеграционных рисков «Русского мира» – феномена, который в последнее время получил новое звучание и стал предметом широкомасштабной общественной дискуссии. Автор делает акцент на том, что концепция «Русского мира» складывалась одновременно в нескольких плоскостях: политической, этнической, экономической, культурной, и рассматривать специфику этого явления также следует в комплексе. Особенное внимание в статье уделяется вопросу: каким образом «Русский мир» стал элементом отечественной политической культуры; насколько гармонично и/или противоречиво сочетаются в нём этническое, имперское и национальное начала; какие практические смыслы можно выделить применительно к этому понятию сегодня. На основе анализа теорий, относящихся к наследию отечественной философской мысли, сделана попытка транслировать ряд положений, соотносящихся с концепцией «Русского мира» на современную общественно-политическую реальность России и критически осмыслить как положительные, перспективные, так и потенциально опасные варианты трактовки этого понятия в сегодняшнем контексте. Может сложиться впечатление, что термин «Русский мир» – это элемент по преимуществу сегодняшнего политического языка. Между тем, попытки обозначить границы Русского мира и нащупать его смысловое зерно ведутся уже не первое десятилетие и лежат отнюдь не только в плоскости политической риторики, но и имеют выраженную философскую направленность. Чтобы проиллюстрировать это положение, автор статьи обращается к сравнительному анализу двух политико-философских концепций начала XX в., одна из которых – принадлежащая публицисту Михаилу Меньшикову – представляет максимально «суженный» вариант интерпретации «русского вообще», а вторая – теория Петра Струве – напротив, предлагает вариант конструктивного построения внешнеполитической стратегии России через расширение полей её культурного влияния. В статье сделан ряд выводов, касающихся современного этапа бытования Русского мира, продолжающегося развитие в условиях значительных геополитических сдвигов, усложнения общественно-политического пространства и вынужденного преодолевать внутренние противоречия.

Ключевые слова: философия политики, нация, этническая идентичность, империя, Русский мир, интеграционные стратегии, геокультурная стратегия, Пётр Струве, теория культуры, национализм.

Abstract. The subject of this article is the analysis of integration possibilities and disintegration risks of the “Russian world” – a phenomenon that lately has attained a new sound, as well as became a subject for an extensive public discussion. The author makes an accent on the fact that the “Russian world” concept was being formed simultaneously in several plitudes: political, ethnical, economic, and cultural; thus the specificity of such phenomenon should undergo a comprehensive examination. Special attention is given to the issue of how the “Russian world” became an element of the Russian political culture; how harmoniously and/or controversially it combines ethnical, imperial, and national beginnings; which practical meanings can be determined with regards to this notion today. Based on the analysis of the theories on the heritage of the Russian philosophical thought, an attempt was made to translate a number of positions, associated with the “Russian world” concept, upon the modern sociopolitical reality of Russia, as well as critically apprehend the positive, promising, and potentially dangerous variants of interpretation of this notion in the current context. An impression can be formed that the term “Russian world” is an element of the present political language. At the same time, the attempts to mark the limits of the Russian world and to find its conceptual seed are taking place over a decade, and are certainly located not just in the political rhetoric, but also have a vivid philosophical aim. The article presents a number of conclusions pertaining to the current stage of existence of the Russian world, which has to overcome the inner contradictions, and continues developing in the conditions of significant geopolitical shifts and complication of the sociopolitical space.

Key words: nationalism, theory of culture, P. B. Struve, geocultural strategy, integration strategies, Russian world, empire, ethnic identity, nation, political philosophy.

Вопрос о Русском мире, сути и истории этого многогранного и многозначного явления, встал с особой остротой в последнее время. Важнейшим основанием для этого явились значительные геополитические сдвиги, которые мы наблюдаем сегодня в режиме реального времени. Дискуссии о Русском мире покинули тишь кабинетов, перестали быть достоянием научной среды, переместились в публичное пространство куда более очевидно, чем это было, пожалуй, во все предыдущие годы. Публичность влечёт за собой публицистичность. Самое время преодолеть легковесность, которая сегодня зачастую сопровождает обсуждение этого вопроса, и вернуться к истокам.

Куда уходят корни Русского мира? В какой плоскости он существует – в политической, этнической, экономической, культурной? Все эти позиции в той или иной мере представлены сегодня в публичном пространстве российского общества. О достоверности каждой из них судить не всегда просто; постараемся хотя бы отчасти решить эту, безусловно, амбициозную задачу.

Может сложиться впечатление, что термин «Русский мир» – это элемент сегодняшнего политического языка *par excellence*, в каком бы контексте он ни употреблялся: от проблемы защиты прав соотечественников за рубежом до споров о правомерности новейшей максимы «Россия – не Европа», помноженной на «восточный разворот»... Между тем, попытки обозначить границы Русского мира и нащупать его смысловое зерно ведутся уже не первое десятилетие и лежат отнюдь не только в плоскости политической риторики, но и имеют выраженную философскую направленность (представляющую для нас первостепенный интерес).

Рассуждая о «мире» как о некоем варианте человеческого общежития, мы необходимо предполагаем максимально широкое смысловое пространство. «Симптоматично многозначие слова “мир” в русском языке. Это и космос, и соседская (крестьянская) община, не-война и все люди вместе. Значения сотрудничают и оспаривают друг друга», – писал в переломное время рубежа 1980-1990-х гг. опальный советский историк Михаил Гефтер [1]. «“Мир” можно определить как людскую общность, покоящуюся на четырёх принципах: территориально-временном (хронотопическом), культурном (в значении “великой культуры”), онтологическом (смысловом) и аксиологическом (ценностном)», – полагает современный отечественный исследователь, руководитель Центра британских исследований Института Европы Алексей Громыко [2]. Анализируя массив современных научных работ, посвящённых феномену Русского мира, легко за-

метить, насколько разные критерии ложатся в их основу – от предельно рационализированных до почти мистических. Такое впечатляющее разнообразие, увы, не только не проясняет суть явления, но подчас и сбивает исследователя с толку, начиная с, собственно, термина, который представляется одновременно расширительным и сужающим; в перспективе – предполагает процессы как *интеграционные*, так и *дезинтеграционные*.

Проанализировать все до единого аспекты явления столь комплексного (и к тому же – незавершённого проекта, «здесь и сейчас» находящегося в постоянной динамике) было бы задачей, пожалуй, чересчур амбициозной. Нашей целью является, прежде всего, исследование интеграционного потенциала Русского мира, с одновременным преодолением его дезинтеграционных рисков.

Понятие «Русского мира» обладает внутренней сложностью и противоречивостью, заложенной даже и в самом термине. С одной стороны, явление, охватывающее «мир», должно было бы обладать характером расширительным, без заранее жёстко заданных границ. С другой – употребление этнонима «русский» заставляет задуматься о том, по каким критериям эта «русскость» определяется; не заложены ли уже здесь пределы того пространства, на которое Русский мир может претендовать, в которое он может органичным образом вписаться.

Вопрос о геополитическом статусе России встал особенно остро после распада Советского Союза. Исчезновение с политической карты крупнейшего по протяженности государства повлекло за собой и колоссальные сдвиги в массовом сознании тех, кто это государство населял. И если в бывших республиках Союза новая государственность выстраивалась во многом с опорой на ценности этнонационализма, то в России сложилась куда более специфическая ситуация. Полиэтнический характер российского общества сделал совершенно невозможным конструирование национального проекта как русского этнического государства-нации (соответствующий запрос, сформулированный рядом политических организаций ультраправого спектра, всё же следует признать маргинальным). Осмысление роли России на постсоветском пространстве породило своеобразный «постимперский» комплекс. Кавычки здесь не случайны. Здесь мы не ставим перед собой задачу рассуждать, как возможна Россия – империя, и был ли империей (как вариант – «импероподобным» образованием) – Советский Союз. Эта дискуссия (безусловно, чрезвычайно важная) выходит за рамки нашего исследования. И всё же можно предположить, что кол-

лективное чувство граждан России постсоветского периода можно сравнить с аналогичным коллективным чувством жителей колониальных империй в период их распада. Здесь мы не рассуждаем в терминах внешней экспансии, эксплуатации народов и территорий и иных практик, существенно нагруженных негативными коннотациями. Речь идёт о том, что за время существования Советского Союза вследствие интенсивных миграций, смешанных браков и прочих социоэкономических процессов сложилось пространство, в высокой степени насыщенное элементами русскоязычной культуры (это относится, в первую очередь, к собственно языку), во многом также и соответствующими образцами организации общественно-политического процесса. Но можно ли рассматривать этот вопрос шире, выходя за пределы «ближнего зарубежья» и анализировать эти явления в мировом масштабе?..

Дискуссии о том, как возможно очертить границы «русскости» в цивилизационном аспекте, принадлежат не только дню сегодняшнему. Стоит обратиться к наследию отечественной философской мысли, чтобы убедиться: проблема эта была не менее актуальна столетие назад, когда Россия стояла перед вызовами, пожалуй, и посерьёзнее нынешних. В этом свете, в частности, представляет интерес заочная (но от того не менее горячая) дискуссия между публицистом Михаилом Меньшиковым – мыслителем правого толка, социал-дарвинистом, даже, можно сказать, ницшеанцем – и философом, общественным деятелем Петром Струве, в своей теории сочетавшем положения классического либерализма с государственнической идеей.

Обращаясь к концепции Меньшикова, нетрудно заметить её последовательную националистическую направленность, причём из всех разновидностей национализма публицист выбирает его этническую версию в достаточно радикальном изводе. Меньшиков понимает русскую общину – что есть потенциальный Русский мир – в исключительно узком этническом ключе. Его неприязнь к «инородцам» чрезвычайно последовательна: с крайним подозрением он относится не только к евреям, полякам и прибалтам, но и в соответствующем ключе интерпретирует «украинский вопрос» (достаточно болезненный для «класса, принимающего решения» – российской политической элиты того периода). «Чего нам ждать, великороссам? О нашей старой Империи идёт речь. <...> Пока Россия жила “на страх врагам” – были опасны только внешние враги. Теперь, разбитая, она видит себя в осаде внутренних, тех самых, с которыми, казалось, все счёты были покончены. Они встают из праха – и вновь, как в московские времена, высту-

пают на сцену Польша, Литва, тевтоны, шведы – в лице делегирующих их финляндцев, вновь поднимают свою голову татары, вновь сомнительным становится присоединение Малороссии», – писал Меньшиков [3, с. 26]. Со своей стороны, мы можем усмотреть здесь не только неоднократно в течение двадцатого столетия воспроизводившую себя политическую идею «поиска внутреннего врага», но и более интересное для нас противоречие: зазор между этнической идеей и идеей имперской.

Что такое имперская идея *per se*? Рассуждать о сути и духе империи можно бесконечно долго, в том числе и применительно к российскому государству. Чтобы не уходить слишком далеко от темы, согласимся с трактовкой, предложенной в своё время А.А. Кара-Мурзой в его статье «Россия в треугольнике “Этнократия – империя – нация”», согласно которой империи – это формы социального сосуществования индивидов, «базирующиеся на универсальном, надэтническом принципе “подданства”... все жители Империи – независимо от этноса – являются её подданными и в этом смысле равны, а к верховной власти (как это и бывало неоднократно в Риме) вполне могут приходить и “инородцы”» [4]. Основываясь на принципе служения государственному делу, империи должны быть, по идее, иметь высокую устойчивость в отношении принципа этноцентризма; взгляды же М. Меньшикова на природу российского государства даже и из-под ног Российской империи того времени словно бы выбивают почву: «начиная с Петра Великого управление в России оказывается в руках не родовой знати, а крайне пёстрого, внесловного, полурусского полуинородческого класса, заметно утратившего национальные инстинкты...» – это утверждение вневсего, если мы рассуждаем в логике империи. Показательны в этом смысле его взгляды на такую институцию, как парламент, должный обеспечивать исполнение не только законодательной функции, но и представительной: «Мечта объединить различные племена страны путём участия в общем законодательстве – самая фантастическая из всех возможных. Общій парламент действительно объединяет инородцев – только не с господствующим народом. Они объединяются между собой; имперский парламент собирает рассеянных врагов государства сначала в отдельные лагеря, потом в один общій» [5, с. 85].

По существу, национализм такого рода – это определение единства «по крови», но не единого гражданства «по почве» – определение, построенное на основании последовательного исключения этнически другого (не обязательно физическое, но точно – политическое), т.е. – дезинтеграционное по

сути. Мы намеренно выбрали в качестве примера сужения Русского мира вариант интерпретации настолько крайний, настолько радикализированный. Ведь биологизаторские, расистские и иные подобные трактовки этноса применительно к XX в. не экзотика, да и говорить о том, что сегодня такие теории не эксплуатируются вовсе, по-прежнему невозможно. «Национализмом отчаянья», кстати говоря, назвал охранительную позицию Меньшикова его критик и оппонент Струве (о котором – ниже и подробнее).

К слову, скептическим было и отношение Меньшикова к перспективам славянского единства. Концепция панславизма, весьма популярная в конце XIX – начале XX вв., не находит сочувствия у теоретика, охарактеризовавшего цивилизацию балканских соседей как «неутешительную». Меж тем, даже и сегодня «Русский мир» многими воспринимается как современная версия того, общеславянского мира начала XX в., где империя Романовых имела свои «естественные границы» и «естественные направления экспансии» в духе основ традиционной геополитики. Балканы в этот ареал потенциально и желательного влияния безусловно попадали (и ныне попадают; иначе случайны были бы одобрительно-покровительственные кивки в адрес Сербии, якобы отвергающий соблазны Евросоюза, и назидательное «вот то-то вам» в адрес Болгарии, промедлившей с согласием по проекту «Южного потока»). Тот славянский мир, отмечает современный российский философ и культуролог Андрей Тесля, представлялся «альтернативой выбору между “германским миром” и “русским”, между потерей надежды на “национальное возрождение” или вступлением в союз с “северной деспотией” ради этого возрождения» [6]. Но этноцентристский взгляд на сущность российской государственности такую альтернативу заведомо отвергает.

Тем более парадоксальными, кстати говоря, выглядели предложения Меньшикова о возможностях интеграции в восточном направлении. Среди основных фигур этого процесса, кроме, собственно, России, он называет Турцию, Китай, Персию (современный Иран), и это звучит любопытным парафразом современной политической повестки дня. «Из всех реформирующихся держав наиболее сильной является пока Россия; может быть, ей должна принадлежать инициатива создать русско-турецкий союз в Европе и русско-китайский в Азии», – отмечал Меньшиков в своей статье «Велико-восточный вопрос» [7, с. 46], но что за союз имеется в виду?

Очевидно, культурные основания общности вышеперечисленных держав сто лет назад были

ещё меньше, чем сегодня. В сущности, речь идёт лишь о тактическом антиевропейском альянсе, и Меньшиков даже откровенно признаётся в этом: записывая Россию в стан «больных людей Востока» (в оригинале эта формулировка звучала как «больной человек Европы» и относилась к турецкой Османской империи; уже во времена Меньшикова оборот этот стал едва ли не публицистическим штампом), и отмечая слабость России, якобы неспособной вступить в соперничество с Европой. Эта утверждаемая «некомплиментарность» друг другу двух миров, европейского (подразумевать ли под этим его англосаксонский или романо-германский континентальный аспект) и русского – и невозможность «прописать» Россию в Европе сужают возможность в том числе и культурной экспансии России в европейском пространстве, делая её попросту ненужной. Эти предположения представляют не только историческую ценность: современная внешнеполитическая повестка дня неминуемо наводит на похожие размышления. В конечном счёте, весьма красноречивым является следующий пассаж: «“Империя – мир”, – провозгласил бездарный император Франции и этим погубил монархию... Империя – как живое тело – не мир, а постоянная и неукротимая борьба за жизнь, причем победа дается сильным, а не слюнчавым. Русская Империя есть живое царствование русского племени, постоянное одоление нерусских элементов, постоянное и непрерывное подчинение себе национальностей, враждебных нам. Мало победить врага – нужно довести победу до конца, до полного исчезновения опасности, до претворения не русских элементов в русские. На тех окраинах, где это считается недостижимым, лучше совсем отказаться от враждебных “членов семьи”, лучше разграничиться с ними начисто» [8, с. 67]. Но построение «мира» как интегрированного пространства, очевидно, предполагает в лучшем случае некие варианты «мягкой силы», в оптимальном случае – открытое партнёрство заинтересованных сторон; сценарий, прописанный Меньшиковым и воспроизводимый и по сей день его, может быть, и неосведомлёнными последователями, таким образом работать не в состоянии.

Намного больший интерес для нас представляет философское наследие Петра Бернгардовича Струве. Его воззрения на природу русской нации кардинально отличны: «Отгораживаясь от других национальностей... русская национальность не укрепляет, а ослабляет себя. Она не обогащается, а скудеет. Нет положения более бесспорного, чем то, что все великие национальности – весьма сложного этнического состава. Такова же и русская на-

циональность, ассимилировавшая со славянским ядром целое множество других расовых элементов [здесь Струве, конечно, говорит о расе в том же ключе, что говорил о “расовой принадлежности” немецкий социолог Макс Вебер, подразумевая этническую, этнокультурную, идентичность – В.Ш.]... Не только национальная плоть, но и национальная душа, культура у великих национальностей всегда многосоставная... Русская национальность, так же, как и американская, ещё творится, она, как говорят о себе американцы, ещё *in the making*» [9, с. 227].

Политико-культурный проект интеграции, предложенный Струве, охарактеризован философом, историком Ольгой Жуковой в качестве «либерально-консервативного» [10, с. 98]. Теория культуры, предложенная философом, не абстрактна: смысл её, по сути, заключается в том, что эта концепция предельно политична, конструктивна, деятельна. Синтез политической и культурной работы, в представлении философа, и представляет собою «национальное служение» (такая формулировка содержится в его «Дневнике политика» – работе зрелой, написанной уже в эмиграции) [11, с. 708]. Консервативный подход Струве не имеет ничего общего с реакционным охранительством; напротив, он содержит в себе внятный модернизационный заряд. Нести ответственность за реализацию его – дело государственной важности, но не только рук государства.

Размышляя о соотношении государства и культуры, их общем потенциале развития, Струве мыслит не как националист в строгом смысле слова. Национализм как идеология удивительно многолик (не случайно многие современные исследователи предпочитают избегать этого термина в единственном числе, говоря о разнообразных «национализмах»), но можно выделить, по крайней мере, одну его классическую черту: стремление добиться тождества границ государственных (политических) и культурных (в некоторых случаях – этнокультурных). На этом фундаменте строились многие национальные государства, в том числе европейские. Но Россия в силу специфики своего политико-географического пространства, полиэтничности, поликонфессиональности, не может позволить себе «пойти по простому пути». Не могла и столетие назад; Струве фиксирует этот момент, рассматривая в качестве более перспективного пути – скорее, расширение русского культурного поля, чем расползание территории. «Всякая крупная нация стремится создать себе государственное тело. Но идея и жизнь нации всегда шире, богаче и свободнее идеи и жизни государства. Гете несомненно Бисмарка, сказал бы Тургенев, как он

сказал, что Венера Милосская несомненное принципов 1789 г. В нации, которая есть лишь особое, единственное выражение культуры, нет того жёсткого начала принуждения, которое неотъемлемо от государства. Ибо культура и по своей идее, и в своих высших реальных воплощениях означает всегда духовные силы человечества в их свободном росте и объединении. <...> И прошлое, и современная нам эпоха свидетельствуют о том, что нация как культурное понятие не укладывается в границы понятия “государство”. Государство есть продукт гораздо более условный, менее органический и потому менее устойчивый и могущественный, чем нация и национальность», – пишет философ в своих «Отрывках о государстве» [12].

Эти рассуждения справедливы не только по отношению к внутренней политике государства – применимы они и к сфере внешнеполитической. Как возможно расширение национальной культуры? Этот вопрос напрямую соотносится с темой нашего исследования. Симптоматично, что Струве размышляет на эту тему в своей статье «Великая Россия». В каком-то смысле это многозначие эпитета «великий» столь же символично, как и аналогичное многозначие слова «мир».

Рассматривая причины внешнеполитических неудач России, философ делает вывод, что они сводятся к неправильно выбранному вектору распространения культурного влияния, в «перенесении центра тяжести нашей политики в область, недоступную реальному влиянию русской культуры»; залог же побед (в широком, не только военном смысле) видит в грамотном освоении сопредельного пространства – экономическом, политическом, тесно увязанным с мирной культурной экспансией. Пространство это видится Струве *осознанно*, а не стихийно широким. «Теперь пора признать, что для создания Великой России есть только один путь: направить все силы на ту область, которая действительно доступна реальному влиянию русской культуры. Эта область – весь бассейн Чёрного моря, т.е. все европейские и азиатские страны, “выходящие” к Чёрному морю... На этом реальном базисе – и только на нём – неустанной культурной работой, которая во всех направлениях должна быть поддержана государством, может быть создана экономически мощная Великая Россия. Она должна явиться не выдумкой реакционных политиков и честолюбивых адмиралов, а созданием народного труда, свободного и в то же время дисциплинированного», – в этом предположении заключается целая стратегия, руководство к действию потенциально государственного масштаба [13].

Струве напрямую нигде не использует формулировку «Русский мир». И всё же представляется, что для нашего исследования анализ именно его теории является чрезвычайно продуктивным. Назвать Струве напрямую националистом, как мы отметили выше, нельзя, хотя он, безусловно, государственный. Философ верит в открытый, творческий русский национализм, сравнивая его с англосаксонским. Это национализм в версии положительного, плодотворного культурного прозелитизма. Он отмечает, что русская культура без всяких негативных последствий для себя вобрала массу иноэтничных элементов и за счёт них не деградировала, а обогатилась – примером тому и Гоголь, и Левитан, и другие, чьи имена и сегодня ничуть не утратили своего значения. Национальная культура великих наций всегда многосоставная. Одним из ключей к пониманию Струве феномена Русского мира является, на наш взгляд, следующий пассаж из статьи «Два национализма»: «Идеалом, к которому должна стремиться русская национальность, по моему глубокому убеждению, может быть лишь такая же свободная и органическая гегемония, какую утвердил за собой англосаксонский элемент в США и Британской империи... на всем пространстве Российской империи, кроме Финляндии и Польши, приобщение к русской культуре означало бы подъём на более высокую ступень» [14, с. 228].

Уверенно можно утверждать, что вариант усиления и расширения государства по вектору культурного роста, предложенный Струве, был действительно новаторским в его эпоху. Вспомним, ведь намного более характерными для периода начала XX в. являются геополитические стратегии в духе «государственного органицизма» Фридриха Ратцеля, Рудольфа Юхана Челлена, Хэлфорда Макиндера... «Без земли не может быть прочного политического существования. Государства, существовавшие известное время без земли, лишь тогда становились великими державами, когда завладевали территорией», – эта формулировка Ратцеля в его классической работе «Политическая география» на многие годы определила не только пути развития геополитики как науки, но и предопределила множество конкретных внешнеполитических стратегий, преследовавших установление, отвоевание, реконструкцию «величия» для своих государств [15, с. 18]. Величие России, по Струве, заключается отнюдь не только в её уникально протяжённой территории, но и в богатом своеобразии культуры; именно она сообщает процессу роста Русского мира его уверенный, оптимистичный и конструктивный характер. В этом смысле Россия не должна, да и не может, по сути,

стремиться к изоляционизму – антиевропейскому или любому другому; желать заключить себя в пространство «острова Россия», пользуясь известным термином философа, геополитика Вадима Цымбурского [16].

Важное обстоятельство заключается и в том, что рецепты, предложенные философом около века назад, далеко не во всём устарели и сегодня, когда на повестке дня – формирование и развитие Русского мира с учётом реалий современной политики.

Что собой представляет современный Русский мир? Состоялся ли он уже как полноценный проект, имеющий политическое, экономическое, культурное, социальное измерения? Или это пока лишь набор потенциалов, которым лишь предстоит состояться в качестве единого целого? Возможно, имеет место и то, и другое; но речь, на наш взгляд, идёт о проектах с разными траекториями движения, разными ритмами (само)построения. Анализируя этот феномен, политолог, директор Центра исследований постиндустриального общества Владислав Иноземцев обозначил эту разность как сосуществование Русского мира I и Русского мира II [17]. Если первый – результат длительных миграционных процессов, осуществленных их участниками преимущественно по доброй воле (это, во-первых, потомки тех, кто покинул родину во времена серьёзных социально-демографических сдвигов – Иноземцев даже говорит о «великом исходе» – в первой четверти XX в.; во-вторых, эмигранты из России и постсоветских стран в Европу, Северную Америку и, особенно в последнее время, в Азию), то Русский мир II состоит преимущественно из тех носителей русского языка и культуры, которые остались жить в бывших республиках Советского Союза после его распада и по разным причинам не переехали в Россию. Разница между этими социокультурными пространствами заключается не только в тех принципах, на которых выстроена идентичность их представителей, но и в отношении к современной России и, в свою очередь, современной России – в лице её официальных инстанций – к ним. Если Русский мир II современными «охранителями» всемерно поддерживается на словах и на деле (в том числе финансовыми вливаниями), то Русский мир I фактически игнорируется, и этот разрыв между миллионами носителей потенциально единых ценностей рушит пространство возможной солидаризации; делает естественную и взаимовыгодную интеграцию малореальной. Между тем, как мы уже упоминали выше, анализируя концепцию П. Струве, лояльность национальной общности не сводится к лояльности государству. Куда как справедливо это положение и сегодня. Arg

longa, potestas brevis est, перефразируя крылатую латинскую фразу...

Расширение культурного пространства Русского мира ставит вопрос: какова специфика этой культуры? В этом смысле справедливой представляется критика со стороны политолога Михаила Ремизова тех культурных паттернов, которые считаются «образцово русскими», а на деле выдают её нарочную и неоправданную фольклоризацию. «Фальшивый лубочный ореол» русской идентичности, сложившийся отнюдь не в архаическую эпоху, а в XX в., противопоставлен культурам европейских наций, большинство из которых являются как раз таки продуктом «демократизации» высокой культуры. И, если в XIX в. Россия шла по пути, аналогичному траектории движения европейских держав, и была полноправным участником «европейского концерта» не только геополитически, но и культурно, то, полагает исследователь, в XX в. произошла так называемая «рустикализация» – опрощение, огрубление национального культурного наследия. По версии Ремизова, это было сделано якобы для того, чтобы «не обидеть» соседей по Союзу, подобных успехов в своё время не добившихся. Утверждение, на мой взгляд, спорное: если продолжать этот логический ряд, недалеко и до попыток ранжировать «более и менее культурные» культуры... Тем не менее, конечно, «набивший оскомину “матрешечно-балалаечный” ассоциативный ряд» как «общепринятое символическое выражение “русскости”» едва ли может быть привлекательным содержанием расширения пространства Русского мира, и здесь с Ремизовым сложно не согласиться [18].

В качестве неотъемлемого элемента Русского мира сегодня зачастую преподносится также и православная религия. Роль христианского верования в становлении культурного пространства Европы вообще и России в частности (коль скоро мы не стремимся «выписать» её из европейского дома) – тема отдельная и крайне обширная. Рассмотреть её здесь детально не представляется возможным. Однако амбиции Русской православной церкви как организации, стремящейся брать на себя ответственность за «верный курс» в создании общего русского культурного поля, безусловно, заслуживают внимания как имеющие политическую смысловую нагрузку. «В формировании русской идентичности огромную роль сыграла Православная вера. С другой стороны, события XX в. показали, что значительное число русских стало неверующими, не утратив при этом национального самосознания. И всё же утверждение о том, что каждый русский должен признавать православное христианство основой своей национальной культуры, яв-

ляется оправданным и справедливым. Отрицание этого факта, а тем более поиск иной религиозной основы национальной культуры, свидетельствуют об ослаблении русской идентичности, вплоть до полной её утраты», – это выдержка из проекта «Декларации русской идентичности» разработан экспертным центром Всемирного Русского Народного Собора и представлен на обсуждение в ходе соборных слушаний ВРНС «Сергий Радонежский – объединитель русских земель», состоявшихся 24 апреля 2014 г. в московском храме Христа Спасителя [19]. На наш взгляд, здесь мы вновь имеем дело с сознательным стремлением сузить органически растущий и развивающийся Русский мир до некоего управляемого (в большей или меньшей степени) проекта. Делая ставку на православную идентичность, в какой «регион» Русского мира следует записать тех русскоговорящих, которые одновременно чувствуют себя принадлежащими к иным конфессиональным и/или культурным сообществам?

Между прочим, ещё до того, как дискуссия о Русском мире приобрела широкий размах и стала, в том числе, политическим инструментом власти, на протяжении многих лет в направлении создания общего культурного пространства работали проекты и внегосударственные, и светские. В качестве примера можно привести «Русскую премию» – Международный литературный конкурс, учреждённый в 2005 г. «для сохранения и развития русского языка как уникального явления мировой культуры и поддержки русскоязычных писателей мира». За девять лет существования «Русской Премии» лауреатами конкурса стали 71 писатель и поэт из 26 стран мира, среди которых – Бахыт Кенжеев, Наталья Горбаневская, Юз Алешковский, Андрей Иванов, Мариам Петросян, Марианна Гончарова, Дина Рубина... Призом «За вклад в развитие и сбережение традиций русской культуры за пределами Российской Федерации» награждались культурные деятели Молдовы, Грузии, Германии, Франции, других стран мира. Эта деятельность – не очень громкая, но последовательная – активный вклад в развитие гуманитарного пространства. «Национально-культурное делание», пользуясь формулировкой Петра Струве...

Дьявол, как известно, в деталях; подчас самые рутинные, технические политические решения могут приводить к значительным последствиям на уровне символическом. О каком (в смысле, *каком именно*) построении Русского мира может идти речь, когда любой российский гражданин, позволивший себе такую дерзость, как двойное гражданство, как бы автоматически становится не-

благонадежным? (Мы имеем в виду относительно недавнюю норму законодательства, предполагающую обязательное уведомление о наличии такового.) Между тем, число россиян, оштрафованных за сокрытие двойного гражданства на суммы от 500 до 100 рублей, исчисляется тысячами: только по данным на весну 2015 г., штрафу подверглись более 70 тысяч граждан [20]. Тысяча рублей – дыра в бюджете не особенно болезненная; дело, однако, не в этом, а в специфической презумпции виновности государства по отношению к собственным гражданам: засматриваешься налево – значит, уже подозрителен и заслуживаешь пристального наблюдения. И вот это уже куда более ощутимо. Очевидно, лояльности граждан по отношению к государству, выстраиванию внутренне осознанной общегражданской солидарности (вне зависимости от места проживания!) подобные политические меры не способствуют. Но при этом и не противоречат официальной линии так называемой «поддержки соотечественников за рубежом», благодаря которой сформировался целый класс «профессиональных русских», но так и не выстроилась осознанная стратегия современного государства, направленная на

создание единого поля лояльности не органам государственной власти (в лице Министерства иностранных дел, Россотрудничества и так далее), а национальному сообществу и единой в своём многообразии культуре.

«Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное», – прозорливо заметил в своё время Николай Бердяев [21, с. 31]. Расширительный характер Русского мира объясняет его историю не менее убедительно и сообщает ему потенциал не меньший, чем если бы мы говорили о любом другом подобном мире. Как, какими путями возможно это расширение сегодня, когда в международном политическом лексиконе вновь востребованными оказываются категории «агрессии», «империализма», «стен» и «занавесов» – задача, решение которой выходит далеко за рамки академических дискуссий. Возможности, в том числе, и культурных стратегий в преодолении растущего (к сожалению) сегодня взаимного недоверия между народами, нациями, на наш взгляд, не стоит недооценивать.

Список литературы:

1. Гефтер М. Мир миров: российский зачин. URL: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/geft.htm>.
2. Громыко А. Русский мир: понятие, принципы, ценности, структура. URL: <http://www.ruskiymir.ru/analytics/tables/news/119902/>.
3. Меньшиков М. Велико-русская партия // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М.: Скимень, 2004. 351 с.
4. Кара-Мурза А. Россия в треугольнике «Этнократия – империя – нация». URL: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/krmrz.htm>.
5. Меньшиков М. Велико-русская идея: в 2 т. Т. 1. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 688 с.
6. Тесля А. О «Русском мире» // Ведомости. № 3658 от 22 августа 2014.
7. Меньшиков М. Велико-восточный вопрос // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М.: Скимень, 2004. 351 с.
8. Меньшиков М. Нецарственный империализм // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М.: Скимень, 2004. 351 с.
9. Струве П. Два национализма // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М.: Скимень, 2004. 351 с.
10. Жукова О. Единство культуры и политики: либерально-консервативный проект П.Б. Струве в созидании России // Пётр Бернгардович Струве. М.: РОССПЭН, 2012. 327 с.
11. Струве П. Дневник политика. М.; Париж: Русский путь, 2004. 872 с.
12. Струве П. Отрывки о государстве // Русская Мысль. V. 1908. URL: <http://www.mnemosyne.ru/library/struve-2.html>.
13. Струве П. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества. URL: http://az.lib.ru/s/struwe_p_b/text_1908_velikaya_rossia.shtml.
14. Струве П. Два национализма // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М.: Скимень, 2004. 351 с.
15. Ратцель Ф. Политическая география // Геополитика: Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев. СПб.: Питер, 2007. 512 с.
16. Цымбурский В. Остров Россия. Циклы похищения Европы (Большое примечание к «Острову Россия»). URL: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/cymbur.htm>.
17. Иноземцев В. Русский мир I против Русского мира II // Ведомости. № 3640 от 29 июля 2014.
18. Ремизов М. Реставрация «русского» // Эксперт. № 48 (925) от 24 ноября 2014.
19. Декларация русской идентичности. URL: <http://www.vrns.ru/experts/2840/#.VGNUWR8hFk8>.
20. 70 тыс. человек оштрафованы за сокрытие двойного гражданства // Коммерсантъ. № 46 от 18 марта 2015.
21. Бердяев Н. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 320 с.

References (transliterated):

1. Gefter M. Mir mirov: rossiiiskii zachin. URL: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/geft.htm>.
2. Gromyko A. Russkii mir: ponyatie, printsipy, tsennosti, struktura. URL: <http://www.ruskiymir.ru/analytics/tables/news/119902/>.

3. Men'shikov M. Velikorusskaya partiya. // Natsiya i imperiya v russkoi mysli nachala XX veka. M.: Skimen', 2004. 351 s.
4. Kara-Murza A. Rossiya v treugol'nike "Etnokratiya – imperiya – natsiya". URL: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/krmrz.htm>.
5. Men'shikov M. Velikorusskaya ideya: v 2 t. T. 1. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2012. 688 s.
6. Teslya A. O «Russkom mire» // Vedomosti. № 3658 ot 22 avgusta 2014.
7. Men'shikov M. Veliko-vostochnyi vopros. Natsiya i imperiya v russkoi mysli nachala XX veka. M.: Skimen', 2004. 351 s.
8. Men'shikov M. Netsarstvennyi imperializm // Natsiya i imperiya v russkoi mysli nachala XX veka. M.: Skimen', 2004. 351 s.
9. Struve P. Dva natsionalizma // Natsiya i imperiya v russkoi mysli nachala XX veka. M.: Skimen', 2004. 351 s.
10. Zhukova O. Edinstvo kul'tury i politiki: liberal'no-konservativnyi proekt P.B. Struve v sozidanii Rossii // Petr Berngardovich Struve. M.: ROSSPEN, 2012. 327 s.
11. Struve P. Dnevnik politika. M.; Parizh: Russkii put', 2004. 872 s.
12. Struve P. Otryvki o gosudarstve // Russkaya Mysl'. V. 1908. URL: <http://www.mnemosyne.ru/library/struve-2.html>.
13. Struve P. Velikaya Rossiya. Iz razmyshlenii o probleme russkogo mogushchestva. URL: http://az.lib.ru/s/struwe_p_b/text_1908_velikaya_rossia.shtml.
14. Struve P. Dva natsionalizma // Natsiya i imperiya v russkoi mysli nachala XX veka. M.: Skimen', 2004. 351 s.
15. Rattsel' F. Politicheskaya geografiya // Geopolitika: Khrestomatiya / Sost. B.A. Isaev. SPb.: Piter, 2007. 512 s.
16. Tsymburskii V. Ostrov Rossiya. Tsikly pokhishcheniya Evropy (Bol'shoe primechanie k "Ostrovu Rossiya"). URL: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/cymbur.htm>.
17. Inozemtsev V. Russkii mir I protiv Russkogo mira II // Vedomosti. № 3640 ot 29 iyulya 2014.
18. Remizov M. Restavratsiya "russkogo" // Ekspert. № 48(925) ot 24 noyabrya 2014.
19. Deklaratsiya russkoi identichnosti. URL: <http://www.vrns.ru/experts/2840/#.VGNUWR8hFk8>.
20. 70 tys. chelovek oshtrafovany za sokrytie dvoynogo grazhdanstva // Kommersant". № 46 ot 18 marta 2015.
21. Berdyayev N. Russkaya ideya. SPb.: Azbuka-klassika, 2008. 320 s.